

личества монет кушанского чекана, в изобилии находимые на территории южных областей Таджикистана, Узбекистана и в Хорезме; между тем в процессе работ ЮТАКЭ на территории Старого Мерва удалось собрать немало монет разных эпох, но среди них до сих пор не зарегистрировано ни одной кушанской¹; наоборот, встречается много позднепарфянских медных халков. Традиционное изображение на их обратной стороне сидящей фигуры обожествленного основателя династии, Арсака I, с луком в протянутой руке показывает, что в Маргиане продолжали жить стремления к признанию некоего единства владений Арсакидов. Четвертый период, характеризующийся в истории Парфии разложением ее как крупного рабовладельческого государства, закончился для Мерва некоторым упадком городской жизни. Об этом наглядно свидетельствуют значительные площади Гяур-калы, где позднепарфянские культурные слои оказываются лежащими на поверхности и не перекрыты никакими последующими наслоениями. Вместе с тем данные археологических наблюдений показывают, что кризис рабовладельческого общества с особой силой сказался в Мерве лишь в IV—V вв., когда в оазисе стали усиленно сооружаться в большом числе крупные укрепленные усадьбы (депе), а сам город заметно захирел и в нем появились заброшенные руины. Характерно, что на Гяур-кале содержимое культурных слоев III в., датировемых монетами раннесасанидского чекана (Ардашир I, Шапур I), мало чем отличается от инвентаря позднепарфянского времени (ср. керамику раскопа № 1 и шурфа № 2). В свете работ ЮТАКЭ 1950 г. для истории Мерва и его оазиса так называемый «сасанидский» период (III—VII вв. н. э.), обычно воспринимавшийся как нечто единое, в действительности распадается на три этапа. Первый охватывает почти все III столетие (с момента гибели Парфянского государства) и, по данным археологии, представляется продолжением предыдущего; он приходится еще на эпоху рабовладельческого общества. Второй этап падает примерно на IV и на большую часть V в. и соответствует поре максимального обострения кризиса рабовладельческого общества. Третий — с конца V в. до завоевания страны арабами, — приходится на раннюю стадию феодализации; он способствовал новому подъему городской жизни Мерва частично в Гяур-кале, а частично на территории западных и юго-западных пригородных участков, в основном по каналу Разик и в меньшей мере по каналу Маджан, где новый центр города оформился уже в VIII веке.

Таковы в самых общих чертах новые данные по древней истории Мерва, полученные в результате работ ЮТАКЭ по комплексному изучению всех его городищ.

Проф. М. Е. Массон

РАСКОПКИ КРЕПОСТИ ГАРНИ

(Основные результаты работ Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР в 1949—1950 гг.)

В археологическом изучении Армении наиболее существенный пробел относится к тысячелетию, лежащему между падением государства Урарту и упразднением царства армянских Аршакидов (от VI в. до н. э. [и до V в. н. э.]). Это было время, когда в истории страны происходили чрезвычайно важные события, крупные сдвиги и изменения. В течение этого тысячелетия произошло образование армянского народа (VII—II вв.); после продолжительной борьбы против мидийских, персидских и селевкидских завоевателей успешно завершилось образование армянского государства. В I в. при Тигране II древнеармянское государство достигло своего высшего могущества. Армения переживала хозяйственный и культурный расцвет, в частности, развивались торговля и ремесло, возник целый ряд го-

¹ О находке халка «безымянного царя» в Ашхабаде [см. «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 139. Признание чекана «безымянного царя» эмиссией Кадфиза I см. М. Е. М а с с о н, Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя», ТСАГУ, н. с., вып. XI (1950), стр. 11—49.

родов, в том числе Армавир, Ервандшат, Арташат и Тигранакерт, бывшие одновременно и культурными центрами.

На рубеже старой и новой эры армянское царство Арташесидов пало. Но борьба армянского народа против римлян за свою независимость завершилась утверждением в 60-х гг. династии армянских Аршакидов. При поздних Аршакидах развиваются новые социально-экономические отношения, именно феодальные, наличие которых в Армении в IV—V вв. вне всякого сомнения.

Историки-арменоведы как до, так и после установления Советской власти в Армении, в своих научных исследованиях наибольшее внимание уделяли первым векам до нашей эры¹ вплоть до V в., однако, вследствие односторонности письменных данных, внимание ученых было сосредоточено главным образом на политической истории этого периода. Основные проблемы эпохи, какими являются проблема образования армянского народа, социально-экономическая природа армянского государства, проблема так называемого эллинистического общества и эллинистической культуры Армении, пока изучены недостаточно.

Настоятельная необходимость освещения названных проблем и научно-политическая важность пересмотра созданных буржуазной историографией антинаучных положений и теорий чувствуется давно. Однако разрешение перечисленных выше задач невозможно без привлечения новых веских данных. При скудости и односторонности письменных источников огромное значение имели бы данные материальной культуры, которые можно получить в результате раскопок, в частности таких крупнейших памятников эпохи, какими были Аргиштихинили — Армавир, северный административный и культурный центр Урарту, позднее ставший первой столицей Великой Армении, Арташат, сменивший Армавир и ставший столицей объединенного армянского государства во II в. до н. э., Тигранакерт и др. Однако археологическое изучение как Армавира, так и Арташата и других городов еще не предпринято. Из старых столиц частично изучены Ани и Двин, т. е. средневековые столицы Армении. Вообще Армения первых веков до нашей эры и нашей эры археологически не изучена. Следовательно, при освещении истории этого периода данные материальной культуры пока не могут еще играть существенной роли.

Давно назрела необходимость предпринять систематические раскопки одного из важных археологических объектов первых веков до нашей и нашей эры. Одним из таких объектов, правда, далеко уступающим Арташату и другим крупным объектам, является крепость Гарни, которая построена гораздо раньше I в. н. э. Возможно, что крепость Гарни была свидетельницей образования армянской государственности; во всяком случае, она была значительным политическим, военным и культурным центром в этот ранний период истории Армении. Архитектурные памятники Гарни представляют пока единственный комплекс военного, гражданского и культового строительства первых веков, и нельзя преувеличить их значение в истории древнеармянской архитектуры.

Институт истории АН Арм. ССР предпринял раскопки Гарни в надежде, что археологическое изучение крепости введет в научный оборот значительный материал, который поможет историкам, археологам и искусствоведам по-новому ставить и освещать ряд важнейших вопросов древней истории Армении.

В литературных источниках крепость Гарни впервые упоминается у Тацита (Ann., XII, 45) в связи с событиями 51—52 гг. Тацит говорит об уже существующей (неизвестно, с каких пор) крепости. Из сведений Тацита и армянских историков — Моисея Хоренского (I, 12; II, 90), Фавста Бузанда², Егише³ и других — явствует, что

¹ Наиболее крупные исследования по политической истории первых веков до нашей эры принадлежат перу акад. Я. А. М а н а н д я н а: Тигран второй и Рим, Ереван, 1940; русск. перев., Ереван, 1941; Критический обзор истории армянского народа, Ереван, 1945.

² См. Ф а в с т Б у з а н д, Венеция, 1889, стр. 18.

³ См. Е г и ш е, Тбилиси, 1912, стр. 100—101.

Гарни была летней резиденцией армянских царей и местом стоянки их войск. Войска здесь стояли и после упразднения армянского царства в 428 г., вплоть до VII в.¹ Перед крепостью с давних времен существовало поселение. С конца IX до XIV в. Гарни упоминается почти всеми армянскими историками как поселение городского типа. В это время значение Гарни как крепости отходит, как кажется, на задний план, и Гарни становится крупным поселением городского типа. В XIV в. начинается упадок города; в XVI—XVII вв. он очень страдает от непрерывных набегов турок и персов и окончательно разоряется и опустошается. Большая часть населения Гарни в 1605 г. была уведена в Иран шахом Аббасом I, а остальная часть была перебита или уведена в плен турками в 1636—1638 гг.

Естественно, что в Гарни сохранились памятники материальной культуры, начиная с древнейших времен вплоть до позднего средневековья. Но особый интерес представляет Гарни, как археологический памятник античной и раннефеодальной эпохи.

В крепости Гарни сохранились развалины великолепного храма I в. н. э. Это периптер, построенный на высоком подиуме. Двадцать четыре колонны ионического ордера окружали храм со всех четырех сторон. Храм построен из прекрасно отесанных, почти полированных базальтовых глыб. Поражает высокохудожественная, богатая и разнообразная резьба по твердому базальту. Резьбой покрыты все части антаблемента, а также вход в храм и плафон галерей. Гарнийский языческий храм стоял в целости вплоть до 1679 г., когда он развалился вследствие землетрясения. Развалины храма привлекли внимание путешественников еще с начала XIX в. Дюбуа дал общую схему его фасада. В 1907 г. на развалины храма обратил внимание А. С. Уваров а в 1909—1911 гг. здесь были произведены частичные раскопки сотрудниками Археологической комиссии. До этого развалины храма заросли деревьями и почти покрылись землей. После очищения храма от деревьев и земли он был отчасти изучен архитектором К. К. Романовым². После установления Советской власти в Армении Гарнийским храмом интересовался неутомимый исследователь истории армянской архитектуры Торос Тораманян³. В начале 30-х годов архитектор Н. Г. Бунятыян (Бунятов) сделал Гарнийский храм предметом специального изучения, дал его научную реставрацию и детальные обмеры, в результате чего в 1933 г. им было издано исследование о храме⁴.

Интерес к Гарни особенно возрос после находки здесь летом 1945 г. народным художником Арм. ССР М. С. Сарьяном и сотрудником Ботанического института Академии наук Арм. ССР Ц. Давтяном греческой надписи армянского царя Тиридата. В связи с расшифровкой надписи вышли в свет доклады и статьи акад. Я. А. Манандяна, проф. Абрамяна, чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер, посвященные Гарни. Надпись — плохой сохранности, с дефектами, вследствие чего появилось несколько отличающихся друг от друга толкований ее. По расшифровке первого (по хронологическому порядку) и третьего издателей надписи — проф. С. Д. Лисициана⁵ и проф. А. Абрамяна⁶ — в ней говорится о построении Гарнийского храма Тиридатом I, по чтению А. Абрамяна, в одиннадцатом году его царствования. Второй издатель надписи — акад. Я. А. Манандян приписывает надпись Тиридату III, который, по его

¹ См. Себеос, Ереван, 1939, стр. 31.

² К. К. Романов, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. «Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей», М.—Л., 1933, стр. 649.

³ Торос Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, Ереван, 1941, стр. 232—233 (на арм. яз.).

⁴ Н. Бунятов, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933.

⁵ Газета «Советакан Айастан» от 23 сентября 1945 г. (№ 201) и газета «Коммунист» от 30 сентября 1945 г. (№ 207).

⁶ А. Абрамян, Греческая надпись Гарни, журн. «Эчмиадзин», 1947, март — апрель.

мнению, «вновь построил храм»¹. Наконец, К. В. Тревер считает, что надпись оставлена Тиридатом I и в ней говорится о построении (восстановлении) крепости Гарни². Есть основание полагать, что надпись действительно оставлена Тиридатом I и что в ней говорится о построении не только крепости, но и храма в Гарни. Содержание надписи и сведения о ней у Моисея Хоренского совпадают.

Систематические раскопки крепости начались лишь в 1949 г. Их производит Гарнийская археологическая экспедиция Института истории АН Арм. ССР. Экспедиция в составе восьми сотрудников работала в 1949 г. в течение одного месяца, а в 1950 г. — двух месяцев, имея в своем составе 10 научных и научно-технических сотрудников и нескольких практикантов. Настоящее сообщение посвящено некоторым результатам работ экспедиции.

Еще до начала раскопок было ясно, что в крепости под землей скрыто несколько культурных слоев, что весьма осложняет дело археолога. При раскопках действительно было установлено наличие по крайней мере пяти (древнейшего, античного и трех средневековых) культурных слоев.

Еще в 1949 г., в начале раскопок, при исследовании поверхности территории крепости экспедицией были замечены чернолощенные керамические черепки энеолитического типа, обсидиановые вкладыши от серпов, а также черепки расписной (на красном фоне черной краской и полихромной) керамики. При раскопках в 1950 г. оказалось, что самый нижний культурный слой в крепости относится к энеолиту. Этот слой обнаружен в разных частях крепости в глубине от 2 до 3,5 м и охватывает большую площадь. Здесь обнаружена характерная для энеолита чернолощенная (отчасти и краснолощенная) керамика с выемчатым или стиснутым и резным геометрическим орнаментом и ямочками на тулове кувшинов (последнее характерно для энеолитической керамики Гарни). Найдены глиняные очаги или подставки от очагов. В одном случае очаг был окружен большими нестесанными камнями твердой породы, а недалеко от очага шла линия таких же камней (видимо, остаток стены жилища). Возле очага оказалась глыба обсидиана (заготовки), от которой отбивали куски для изготовления орудий. Тут же, вокруг очага, было обнаружено несколько обсидиановых орудий. Орудия из обсидиана и кремня обнаружены в большом количестве. Это — остроконечники, пластины, вкладыши от серпов и пр. Основное занятие жителей гарнийского энеолитического поселения было земледелие, о чем свидетельствуют находки не только обсидиановых и кремневых вкладышей от серпов, но и медного серпа, точильных камней и каменных зернотерок. Последние имеют характерную для энеолита ладьевидную форму. Исключительный интерес представляет находка в энеолитическом слое косточки абрикоса, чем доказывается древность этой культуры в Армении, возникшей, как предполагают, в Средней Азии³.

Наряду с земледелием, древнейшее население Гарни занималось и животноводством. При раскопках обнаружено большое количество костей животных. Среди них, по определению палеозоолога С. К. Даля, имеются кости одомашненного крупного рогатого скота (*Bos taurus*), а также буйвола (*Bos bubalus*), лошади (*Equus caballus*), ослы или скорее кулана (*Equus asinus* или *Hemionus*), олень (*Cervus elaphus*), свиньи (*Sus domesticus*), мелкого рогатого скота: барана, как одомашненного, так, вероятно, и дикого (*Ovis ophion* + *aries?*), козы одомашненной, возможно также дикой (*Capra aegarus* + *domestica?*).

Об охоте свидетельствуют также находки костей диких баранов, коз, зайцев (*Lepus europaicus*), горной куропатки (*Alectoris graeca*), собаки (*Canis familiaris*). Найдены также кости рыбы. Встречается много костяных шил, костяные и глиняные пряслица. Последнее свидетельствует о наличии у энеолитических жителей Гарни ткачества.

¹ Я. А. Манандян, Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма, Ереван, 1946.

² К. В. Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни, Л., 1949.

³ П. М. Жуковский, Культурные растения и их сородичи, М., 1950, стр. 325—326.

При развертывании раскопок Гарни обещает стать одним из важных объектов для изучения энеолита в Армении.

Важнейшим результатом работ Гарнийской археологической экспедиции является открытие крепостной стены. Крепость Гарни построена на треугольном мысе, возвышающемся над глубоким и живописным ущельем реки Азат (Гарни). С юго-востока, юга и юго-запада отвесная скала вертикально спускается в ущелье, глубиной от нескольких десятков до 130 м, а от подножья скалы довольно крутой спуск идет до самой реки. С этих сторон крепость абсолютно неприступна. С востока находится

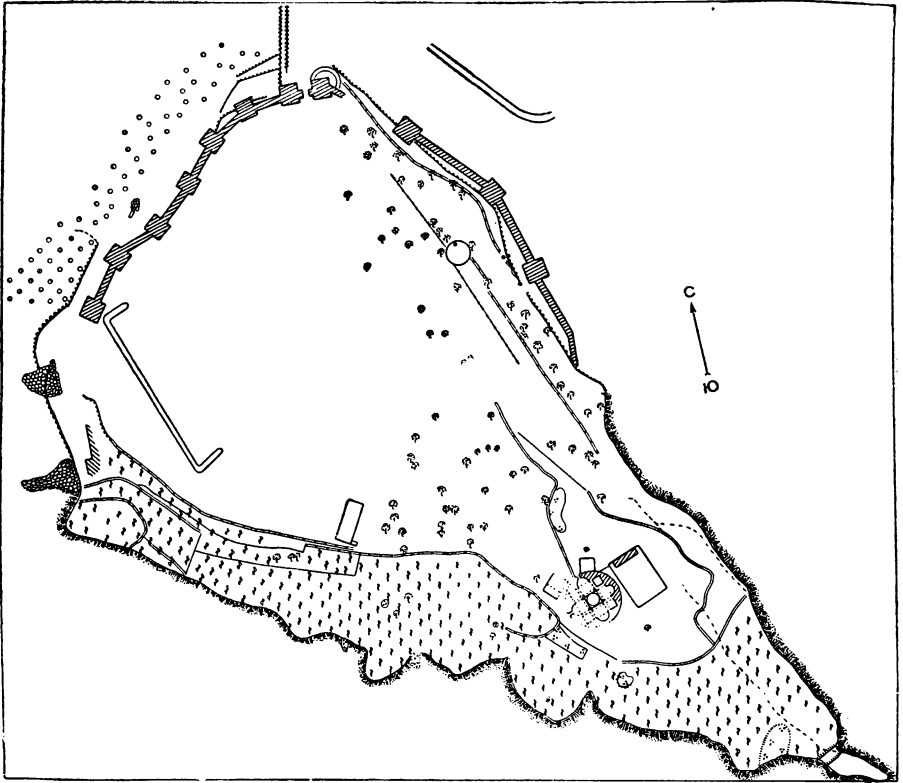

Рис. 1. План крепости Гарни после раскопок

исключительно живописное ущелье, покрытое садами и расположенными амфитеатром виноградниками. Крепостная стена начинается на покатом склоне этого ущелья и с северо-восточной стороны мыса тянется до его западного угла.

До раскопок видны были остатки стены у входа, с северо-восточной стороны и на западном углу мыса; отдельные камни выступили из земли на северной стороне. В 1949 и 1950 гг. крепостная стена открыта на всем ее протяжении. Гарнийский мыс наиболее уязвим с севера, здесь и возведена основная часть крепостной стены. Вход в крепость обращен прямо к северу. Он защищен двумя мощными прямоугольными башнями. Неправильный полукруг стены имеет длину в 275 м. Восточное крыло стены с его начала до входа имеет в длину 105 м. На этой сравнительно малоуязвимой части стены возведены всего четыре башни. Правое крыло стены начинается со входа и тянется до западного угла мыса на протяжении 170 м. Тут возведено десять башен, отстоящих друг от друга на 10—13 м.

Наблюдателя поражает мощность крепостной стены, особенно башен, их плотность, а также строительное искусство. Стена возведена сухой кладкой из громадных

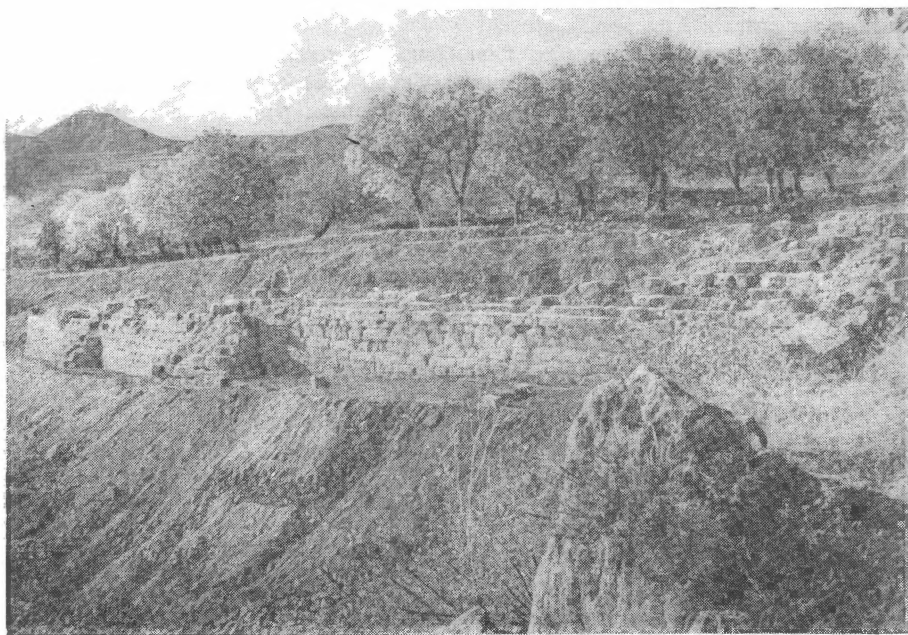

Рис. 2. Восточная стена крепости Гарни с башнями

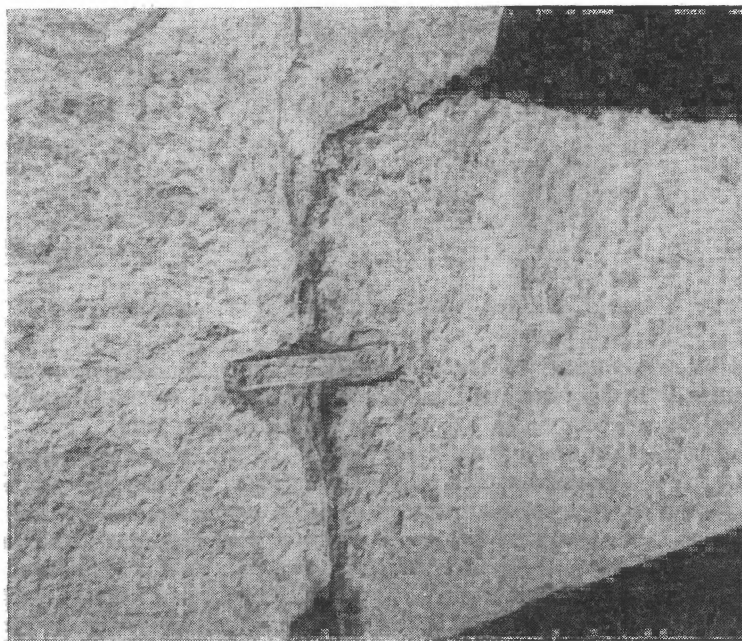

Рис. 3 Скрепление камней железными скобами

базальтовых глыб весом до 5—6 т каждая. Камни прекрасно отесаны, окаймлены лентой (рустовка). Громадные глыбы расположены плашмя и крепко держатся на своем месте одной своей тяжестью, однако строители крепости этим не ограничились, и камни, хорошо пригнанные друг к другу, скрепили еще железными скобами, концы которых загнаны в специально сделанные для них гнезда и залиты свинцом (300—700 г свинца в каждом гнезде). Между рядами кладки выведены фаски. Стена выложена из двух рядов камней и имеет 4 локтя¹ (2,07 м) в ширину. Башни также возведены

Рис. 4. Четвертая башня северной стены крепости Гарни

сухой кладкой из квадратных или продолговатых базальтовых глыб. Небольшие щели между камнями заполнены известью, которая не является вяжущим раствором. Площадь каждой башни составляет в среднем около 40 м² (6×6,3 м). Башни сплошной кладкой возвышались до недостижимой для неприятеля высоты; только в верхней части они, видимо, имели полое пространство — для воинов и их боеприпасов. Башни, очевидно, завершались зубцами. О высоте стены можно судить по сохранившейся части кладки Второй восточной башни. Тут имеется 14 рядов кладки, но сюда надо еще добавить не менее 14 рядов, чтобы Вторая башня достигла до высоты стены, сохранившейся у входа (у Первой восточной башни). Принимая во внимание, что высота каждого ряда (в среднем 0,57 м) на несколько сантиметров превышает локоть, можно полагать, что стена поднималась до высоты 25—30 рядов, т. е. имела более 15 м, а башни — еще больше, до 35—40 локтей, т. е. около 20 м. Этому не противоречат и дошедшие до нас письменные сведения греческих и римских историков, например, о высоте крепостных стен Тигранакерта: по свидетельству Аппиана, Тигранакерт был окружен стеной вышиною в 50 локтей (Mittr., 84). С внутренней стороны башен не сохранилось никаких следов каменных лестниц, очевидно, их и не было. Моисей Хоренский (II, 39), рассказывая о строительстве города Ервандшат, добавляет, что к стене с внутренней стороны были приделаны

¹ В Гарни был в ходу нишпурский или урартский локоть, равнявшийся 52,8 см.

железные лестницы. Видимо, железные лестницы являлись исключением, и обычно пользовались деревянными приставными лестницами. Стена не образует прямого полукруга, хотя этому не помешала бы местность. Ломаная линия и зигзаги стены не случайны. Благодаря этому стена разбита на сравнительно самостоятельные участки защиты. Неприятель, вплотную подойдя к стене, не мог бы поражать защитников крепости на соседних участках. Это обстоятельство значительно облегчало защиту крепости и позволяло в случае необходимости сосредоточить основные силы защитников на том или ином участке.

Выбор строительного материала (базальт), мощность стены и ее строительная техника, неимоверная мощность и плотность башен, расположенных друг от друга на расстоянии 10—13 м, разбивка стены на несколько отдельных участков защиты делали крепость Гарни неприступной для военной техники того времени. Крепость Гарни представляет большой интерес как цельный комплекс военно-фортификационного сооружения. Когда стена будет полностью открыта, она должна привлечь внимание соответствующих специалистов.

Еще большее значение имеет Гарни как выдающийся архитектурный комплекс, свидетельствующий о наличии высокого строительного искусства у армян более чем 2000 лет назад. Крепость Гарни для истории архитектуры представляет большой интерес и потому, что она со временем претерпела изменения, была разрушена, а затем восстановлена и достроена в соответствии со строительной техникой отдельных эпох. На крепостной стене архитектором экспедиции А. А. Саиняном отмечены следы пяти строительных периодов. Первым двум периодам соответствует сухая кладка из громадных базальтовых глыб с применением железных скрепов и свинца. При раскопках обнаружено два

Рис. 5. Нижняя часть терракотовой статуэтки

слоя щебня, собранного под стеной со строительной площадки. Между верхним и нижним слоями щебня имеется слой земли толщиной в 0,40—0,60 м. Такой слой мог образоваться только в течение столетий. Можно полагать, что первый слой щебня относится ко времени постройки крепости Гарни (IV—III вв. до н. э.). Приблизительно так и датирует постройку крепости Моисей Хоренский, который считал, что она построена позже Армавира, но гораздо раньше Арташата. Хоренский имел ясное представление о времени Арташеса I и построении им Арташата.

Второй строительный период можно датировать 70-ми годами I в. н. э., когда Тиридат I восстановил крепость, как это явствует из греческой надписи, найденной в 1945 г. К третьему строительному периоду относится круглая башня, пристроенная к Первой восточной прямоугольной башне. Для строительства круглой башни также взят базальт, но камни уже значительно меньших размеров, другой обработки и кладка не сухая, применен известковый раствор. Для Армении, начиная с IV в., характерно, что основной массой стены уже является ее бутовая часть; камень становится как бы облицовочным материалом. Между тем основную массу стены круглой башни (около $\frac{2}{3}$ толщины стены) все еще составляет камень, а раствор является лишь вяжущим веществом. Следовательно, кладка круглой башни по строительной технике относится

к переходному от сухой кладки стен к кладке с применением раствора и с забутовкой, и этот переходный строительный период приходится между 70-ми гг. I в. н. э. и IV в.

Четвертый строительный период отмечается восстановлением крепостной стены в X в. при армянских Багратидах, после того как она была разрушена в VII—VIII вв. арабами. В этот период применялся базальтовый камень меньших размеров для облицовки восстановленной верхней части стены. Пятый строительный период — частичное восстановление крепости — датируется началом XIII в. Строительная техника идентична с техникой предыдущего периода, только базальт заменен туфом.

Античный культурный слой в крепости обнаружен над энеолитическим слоем и пока представлен немногочисленными, но весьма характерными для эпохи предметами. Первое место среди них занимает нижняя часть женской терракотовой статуэтки прекрасной работы (см. рис. 5). К сожалению, статуэтка разбита, и ее верхняя часть не найдена. На ней хорошо выполнена одежда, напоминающая монументальные статуи.

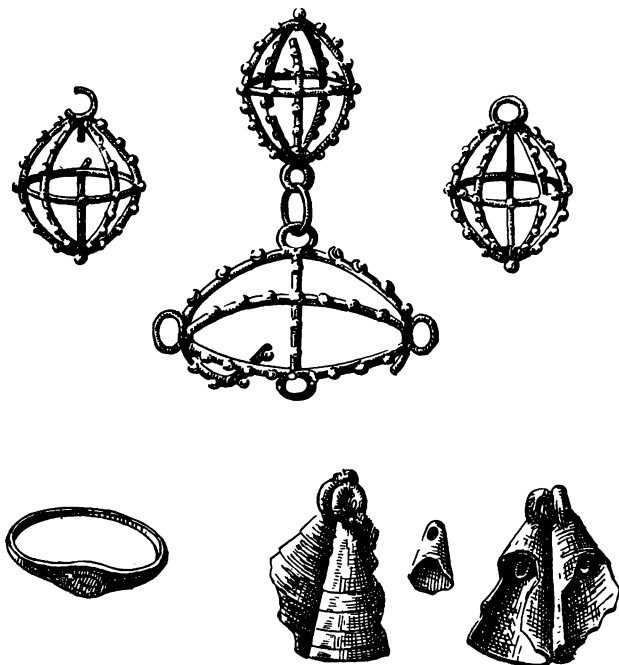

Рис. 6. Металлические подвески и перстни из гарнийского некрополя

Впрочем, некоторые признаки показывают, что в крепости Гарни имелись и монументальные мраморные статуи. Среди обломков камней найден мраморный камень неправильной цилиндрической формы, к сожалению, разбитый. Резьба на лицевой стороне этого камня идентична с орнаментом, встречающимся на карнизе Гарнийского языческого храма. Судя по форме камня, можно полагать, что он происходит от карниза постамента мраморной статуи. Найден очень небольшой фрагмент мрамора, отломанная часть цилиндра, видимо, от руки статуи. Найдены также керамические изделия: обработанная на гончарном круге тарелка красного цвета, обломки другой посуды и характерные ручки от стеклянных сосудов.

В 1950 г. экспедиция приступила к раскопкам могильника первых веков до нашей и нашей эры. Уже известная экспедиции часть этого могильника занимает площадь 400 м в длину и 300 м в ширину, на расстоянии 300—400 м к северо-западу от крепости. Сотрудником экспедиции М. С. Асратяном при содействии аспиранта А. Мартиросяна было открыто 15 погребений. Это — каменные ящики, сложенные из грубо-

обработанных неотесанных плит. Длина могил в среднем 1,10—1,20 м, ширина — 0,50—0,60 м. Покойники в них были положены в слегка скорченном положении, большей частью на правом боку, головою на восток и северо-восток (встречаются и на спине, головою на юго-восток и на запад). При погребении в могилу клали по одному (редко по два) глиняных кувшина, от двух до семи склянок (слезниц и флаконов) и разные украшения.

Из 15 открытых погребений — 12 женские, они и изобилуют украшениями. Найдено много медных серег, к сожалению, плохой сохранности, но, видимо, простой ра-

боты. Только пара золотых серег найденных в погребении № 1, исполнена с высоким мастерством: это — полые, внизу расширяющиеся серьги, покрытые выпуклыми точками, а посередине выведен двойной выпуклый пояс. Обнаружено также много перстней, медных и бронзовых; в одном случае сохранился и камень перстня, на котором имеются следы резьбы. Встречаются и бронзовые ажурные подвески, известные из ранних погребений Армении (эпохи бронзы и культуры железа), — обстоятельство, свидетельствующее, что традиции сохраняются на долгие века. Не совсем ясно назначение небольших бронзовых дисков из высококачественной бронзы и хорошей полировки. Если это — зеркала, то возникает вопрос, почему полированная бронза покрыта тонким слоем меди. Видимо, это скорее солерные знаки. В женских погребениях много различных по форме бус из камня (сердолик, оникс, халцедон и пр.), из пасты (в том числе и египетской пасты) и стекла. Большинство склянок и бус — местного происхождения, но среди них имеются и привозные из стран восточного бассейна Средиземного моря. Видимо, отсюда происходят также морские раковины, служив-

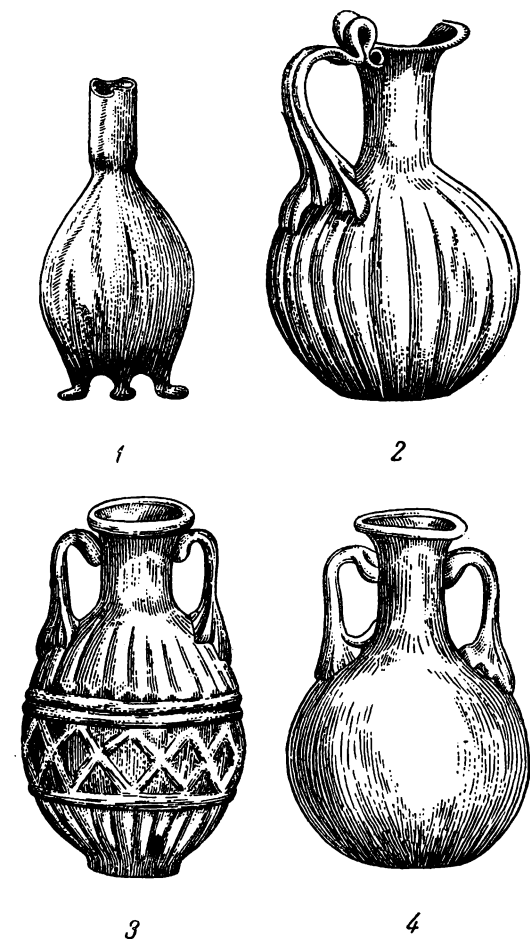

Рис. 7. Сосуды из гарнийского некрополя

шие головным украшением для женщин. В могилах найдены также железные пряжки от обуви, медные и бронзовые булавки, служившие, очевидно, для скрепления плаща или тоги. В женских погребениях у голов покойниц найдены костяные шпильки. Их длина (10—12 см) показывает, что волосы женщин над затылком собирались в виде высокой прически.

На основании изучения могильного инвентаря перед нами встает образ жительницы Гарни, одетой, возможно, обутой и причесанной по-античному. Если будет в дальнейшем доказано, что это рядовые погребения, то можно будет сказать, что в то время в Гарни жило население городского типа.

Раскопки Гарни дали важный материал, свидетельствующий, что армянское городское население того времени в известной мере эллинизировалось не только в культур-

ном, но и в бытовом отношении. Открытые могилы на основании их инвентаря были датированы экспедицией первыми веками до нашей и нашей эры. Это подтвердилось и находкой серебряных монет Октавиана Августа во рту и в руке покойника (погребение № 14).

В крепости и поселении Гарни обнаружено также множество архитектурных деталей. Среди них характерные фрагменты от пилястр. Стержень полуколонны на них выступает либо полукругом, либо прямоугольником с плоской лицевой стороной.

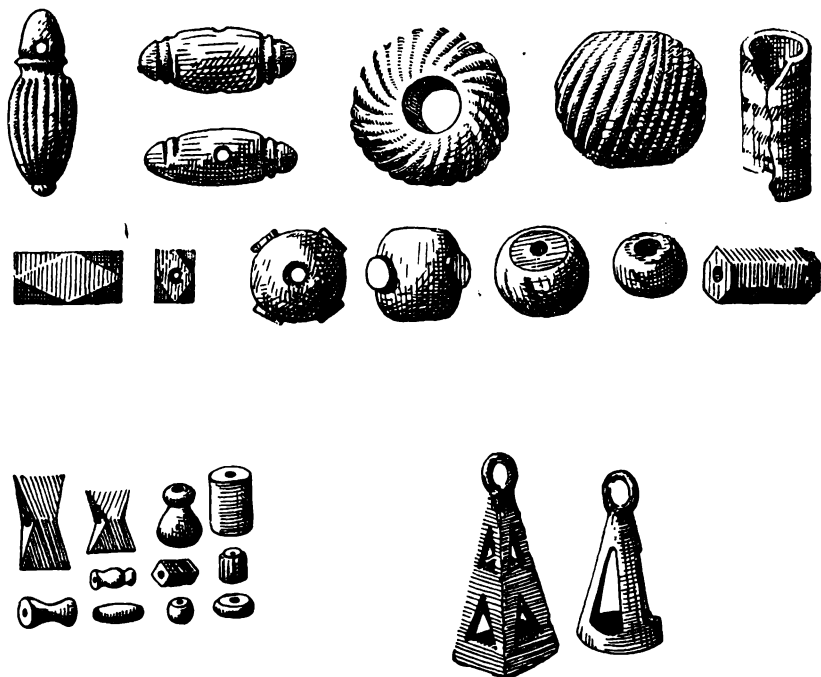

Рис. 8. Бусы и бронзовые подвески из гарнийского некрополя

На этих деталях нет следов скрепления железными шипами, и по их форме видно, что они происходят из стены, при строительстве которой применялся известковый раствор. Вместе с тем порода камней (базальт, песчаник) и архаичность их обработки позволяют полагать, что они происходят из монументальных сооружений III—IV вв. На лицевой стороне камней от пилястров замечены следы штукатурки и краски. Описанные архитектурные детали позволяют полагать наличие в Гарни монументальных зданий, построенных из базальта или известняка. Перекрытие залов в этих зданиях покоилось на пилястрах, между которыми, видимо, была стенная роспись.

При раскопках в крепости обнаружено, по крайней мере, еще три средневековых культурных слоя. Первый из них относится к VI—VII вв. Наиболее примечательным памятником этого слоя является четырехкупольная купольная церковь, развалины которой примыкают к языческому храму. Церковь является особым, весьма интересным типом центрально-купольного сооружения, неизвестным в Армении VI—VII вв.¹ Второй слой датируется X—XIII вв., а третий — XIV—XVII вв. В них обнаружены остатки жилищ, виноградодавильня, винный погреб, а также множество керамических, металлических и других изделий, средневековые монеты и пр. Экспедицией собраны также армянские лавидарные надписи Гарни (более 70), имеющие большое значение для истории, — в частности экономической истории средневековой Армении.

¹ Сооружение этого типа, но значительно видоизмененное, встречается только в Хцконке в XI в.

После общей характеристики гарнийских памятник, выявленных раскопками, хотелось бы в порядке обсуждения поднять один важный вопрос. Это — вопрос об эллинистическом характере армянского государства в первых веках до н. э. Разумеется, что ставить такой общий вопрос только на основании гарнийских материалов по крайней мере преждевременно, но имеются и другие материалы и не мало письменных известий. Гарни лишь дополняет их. Этот вопрос был поставлен в статье С. Т. Еремяна, и в этом же духе написан соответствующий раздел только что вышедшего в свет учебника истории армянского народа.

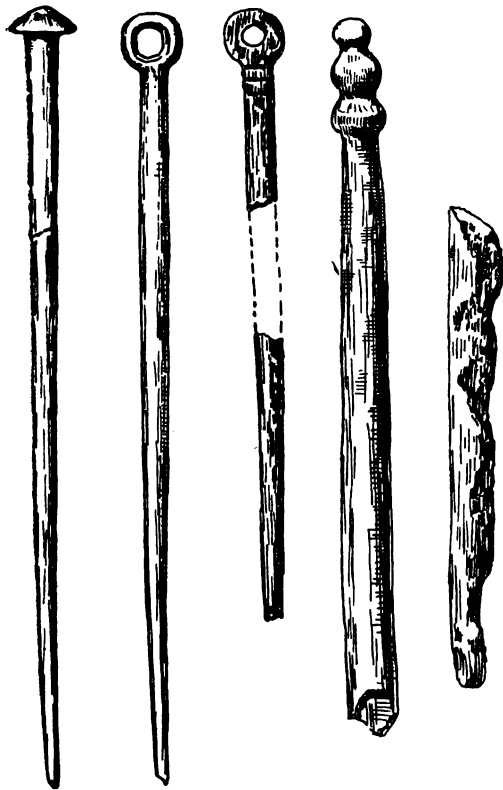

Рис. 9. Костяные шпильки

Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникало до Италии и Испании на западе, до Китая на востоке»¹. Но характер этой работы таков, что автор не мог посвятить Армении много страниц. Этот вопрос должен стать предметом специального исследования.

Но и общепринципиальная его постановка также поможет делу. Если армянское государство Арташесидов, возникшее в эпоху эллинизма и в сфере эллинизма, можно рассматривать как результат развития рабовладельческого общества на определенном этапе, как государство рабовладельческое, то и Армении следует включить в эллинистический мир. В противном случае надо утверждать, что Армения того времени — это государство переходного типа (как говорит акад. Я. А. Манандян) или же «варварское государство» (как говорят другие), что в Армении не существовало рабовладельческого общества и, следовательно, нельзя ее считать эллинистической страной.

Положение, что эллинизм представляет собой определенный этап развития рабовладельческого общества и что армянское государство первых веков до нашей эры было рабовладельческим государством, следовательно, Армения была элли-

¹ А. Б. Раиович, Эллинизм и его историческая роль, М.— Л., 1950, стр. 10—11.

нистической страной, носит слишком общий характер и имеет только исходное значение. Задача историка — идти дальше по этому пути, конкретно и всесторонне раскрыть сущность и, главное, особенности эллинизма, а также отличительные черты в характере отдельных эллинистических стран и государств, особенности их экономического, политического и культурного развития. Это помогло бы также более правильно пониманию общих закономерностей развития эллинизма.

Но рассмотрение истории отдельных эллинистических стран под углом зрения только общих закономерностей эллинизма явно недостаточно. Я уж не говорю о таких тенденциях, как преувеличение значения эллинского начала, влияний и заимствований. В связи с раскопками Гарни эти вопросы встали со всей серьезностью и остротой. В Гарни имеется великолепный храм, который считали памятником римского провинциального искусства. В древнем Вагаршапате при разведочных раскопках были открыты терракотовые статуэтки, скляпки-слезницы и украшения, и они также были объявлены римскими (в этом случае исходили из того факта, что в Вагаршапате во II в. н. э. стояли римские войска). Теперь в крепости Гарни и в могильнике, лежащем у ее стен, выявляется такая же культура, которая глубоко проникла в быт населения. Сотрудники Гарнийской экспедиции чувствуют серьезное опасение, что и им скажут: «Вы выкопали „римскую провинциальную культуру“, ведь и в Гарни стояли римские войска». Кажется, что такой подход — результат некоторого скептического отношения к наличию достаточно высокого уровня производства и культуры в древней Армении, и этот скептицизм — следствие в известной мере недостаточного количества соответствующих фактов и еще в большей мере — их неизученности и незнания, а в отдельных случаях — игнорирования этих фактов.

В эллинистическую эпоху в Армении возникли десять крупных городов, не считая местечек и станций на путях караванной торговли. Возникновение и развитие городов Армавира, Аршамошата, Аркагиокерта, Ервандашата, Арташата, Зарипшата, Зарехавана, Тигранакерта, Мдурн, Вардгесавана (Вагаршапата) и др. обычно объясняется главным образом международной транзитной торговлей. Нисколько не умаляя значения транзитной торговли, нельзя, однако, признать такое объяснение удовлетворительным. Возникновение названных армянских городов объясняется многими причинами, но прежде всего достаточно высоким уровнем общественного развития Армении в условиях ее политической независимости и единства. Эти города являлись относительно крупными центрами ремесленного производства и торговли (и не только транзитной торговли). По дошедшим до нас данным, в этих городах насчитывались десятки тысяч жителей, а в Тигранакерте, Арташате и Ервандашате — еще больше. Плутарх говорит об Арташате, что «был построен большой и весьма красивый город» (Лис., XXXI). О великолепии Тигранакерта и его больших размерах говорят и Плутарх, и Страбон, и Аппиан¹. Акад. Я. А. Манандян подчеркивает значение Тигранакерта как политического и культурно-экономического центра армянского государства², и т. д.

В Армении развиваются города, осуществляется большое строительство, развивается ремесло, торговля; Тигран II контролирует основные торговые пути, проходящие через Армению, Месопотамию, Сирию; царский дом и вельможи извлекают большую выгоду из торговли; для расширения торговли Тигран II чеканит золотые, серебряные и бронзовые монеты. В стране развивается рабовладение. Наряду с большим притоком военнопленных рабов в рабов превращается часть обездоленных крестьян, возникают агараки — латифундии, обрабатываемые рабами, рабский труд применяется и во владениях храмов³, очевидно, также и на строительных работах,

¹ См. Я. А. Манандян, О торговле в городах Армении в связи с международной торговлей древних времен, Ереван, 1930, стр. 55—57.

² Там же.

³ С. Т. Ермян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, ИАН-АрмССР, 1948, № 11.

и в рудниках. Армения становится эллинистической монархией; она уже обладает достаточными возможностями и силами вести вековую борьбу против римских завоеваний, отстаивая свою независимость. В эллинистической Армении развиваются культура, архитектура, обработка металла; из металла, камня, глины и дерева изготавливаются художественные изделия и изваяния (причем до нас дошли не только письменные сведения, но и кое-что из памятников); в Арташате и Тиграпакерте действуют постоянные театральные труппы; у Тиграпа II находят приют некоторые представители эллинистической культуры (Метродар Скепсийский, написавший историю Тиграпа II, Амфикрат из Афи и др.); Артавазд II пишет исторические произведения и трагедии; среди вельмож и части городского населения распространяется грамотность.

Одно перечисление этих фактов в совокупности с другими данными письменных источников и ранее известных памятников материальной культуры, а также результаты разведочных раскопок древнего Вагаршапата и раскопок Гарни свидетельствуют о высоком уровне материального производства и культуры рабовладельческой Армении. Ученые Советской Армении пока еще отстают с разработкой вопросов экономической и социальной жизни и культуры Армении в античную эпоху. Систематические и развернутые раскопки Гарни явятся некоторым стимулом в этом отношении и, возможно, помогут ученым в освещении перечисленных вопросов.

Хотелось бы в порядке обсуждения поднять еще один вопрос, тесно связанный предыдущим. Это — вопрос о характере эллинистической культуры. Эллинистическая культура советской наукой рассматривается, как культура определенного этапа развития рабовладельческой общественно-экономической формации. При этом имеется в виду дальнейшее развитие как греческого, так и древневосточного рабовладения. В соответствии с этим по-новому оценивается значение двух источников эллинистической культуры — эллинского и древневосточного, в частности выявляется роль древнего Востока в развитии эллинистической культуры. Однако в освещении вопроса об эллинистической культуре до сих пор имеется один существенный недостаток. Когда говорят об эллинистической культуре, обычно ее представляют как некое единое целое. Конечно, как результат развития определенного этапа рабовладельческого общества в географически определенной среде эллинистическая культура имеет много общих черт; поэтому при изучении эллинистической культуры исследователи невольно обращают больше внимания именно на эти общие черты и в известной мере упускают из виду то принципиальное положение, что культура создается определенным, исторически сложившимся этническим коллективом. Как бы ни была велика общность культур народов и народностей, создавших эллинистическую культуру, нельзя их рассматривать как единое целое, игнорируя самостоятельность и особенности культур отдельных стран и народов. В этом смысле само название «эллинистическая культура» (уж не говоря о том, что в ней подчеркивается эллинское начало) не вполне отражает заложенное в нем содержание. Стирались ли этнические границы в культурах эллинистических стран? Нельзя ли вопрос поставить в том духе, что есть «эллинистические культуры» Греции, Египта, Пергама, Сирии, Парфии, Армении и других стран, созданные народами этих стран и имеющие известную самобытность и только им свойственные особенности? Изучение в этом аспекте культуры отдельных стран и народов в эллинистическую эпоху, кажется, выявило бы много интересного и способствовало бы дальнейшему развитию советской исторической науки в направлении более конкретного и глубокого освещения проблем, связанных с эллинизмом.

Б. Н. Аракелян